

Набоков В.

12.01.93

Пламя Набокова

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Литературный год прошел незаметно, осыпав нас в финале дед-морозовскими дарами: премия Букера Марку Харитонову, премия «Триумф» Сергею Аверинцеву, премия Набокова Виктору Ерофееву. И все же самое значительное событие — приход к русскому читателю романа Владимира Набокова «Бледное пламя» (перевод с английского С. Ильина). Спасибо независимому издательскому предприятию-91.

Все происходящее в романе как бы комментарий к поэме главного героя, такого же загадочного и прекрасного, как ответ бледного пламени

Там на снегу,
в хрустальной стране.

Кто пишет поэму? Король в изгнании, профессор захолустьного университета в Америке, сам автор и он же историк-комментатор и страстный почитатель поэта-короля Джона Шейда.

Тайный убийца, подосланный из тоталитарной Земблы, Зембландии, похожей в равной мере на Германию и Россию, смесь фашиста и коммуниста, так угадан Набоковым, что мороз по коже. Как знал Набоков Россию, как угадал красно-коричневое чудовище задолго до появления его на свет в 90-х годах. Но не политика волнует Джона Шейда. Как все мы, в этом мире он король и изгнанник, он поэт и он же комментатор своей поэзии. Единственную роль Набоков отдал другому — роль наемного убийцы, но и здесь все не так просто. Не сам ли поэт «сочинил» свою гибель? Ведь роман состоит из комментариев, а комментарию пишет король-поэт.

Но кто же из нас в душе не поэт, не король, не изгнанник из «хрустальной» страны детства?

Убийцу короля-поэта зовут Градус. А можно было бы назвать Дантес, и угадывается звучание этого имени, и вспоминается, что ведь и Пушкин «сочинил свою смерть» в дуэли Ленского с Онегиным. «Поэт рождает молча пистолет», и снег такой хрустальный, как в поэме Джона Шейда.

Впрочем, было ли это на самом деле? Было. Убит Пушкин, убит и отец Набокова, лидер партии кадетов, он, конечно, король в изгнании, он поэт. Нет, поэт — сам Набоков. Поэт и изгнанник из хрустальной страны детства, из Зембландии, из России.

Градус похож на Смердякова из «Братьев Карамазовых». Он жалок и неотвратим, как сама судьба:

«Так тому и быть надлежит:

Мир нуждается в Градусе. Но не Градусу убивать королей. Никогда-никогда не следует Винограду испытывать терпение Господне. Даже во сне не стоит Ленинграду прицеливаться в человека из своей гороховой пушки, потому что, как только он сделает это, две колоссально толстых и неестественно волосатых руки обхватят его сзади и станут давить, давить, давить».

Представьте себе картину, на которой изображен созерцатель этой картины, и вам откроется бесконечная перспектива романа. «Магический кристалл» Набокова заиграет снежными гранями.

Ночь обнесет двойной оградой сини
Картину с созерцателем
картины.

Как хорошо провести новогоднюю ночь в пространстве такой картины. Очистить душу в хрустальной белизне снега и забыть-забыть обо всем, если бы вдруг не возникла курсивом выделенная строка Набокова — Джона Шейда.

«Жизнь есть донос, написанный впотье, и недописанный».

А в это время убийца революционер Градус мечется по Европе: «Градус гадал, когда же ему доведется проделать это — прицелиться».

Комментатор еще не догадывается, что профессор-поэт на самом деле король в изгнании. Так каждый из нас в суете повседневной жизни забывает о своем «королевстве». Иногда мы и не живем своей жизнью, а словно комментируем ее со стороны. Не всякому и не всегда дано почувствовать свое авторство. Для комментатора жизнь — есть донос, написанный впотье, а для поэта (эти строки тоже выделены особым шрифтом):

Жизнь человека —
комментарий к темной
Поэме без конца.

В «Бледном пламени» Набоков подчеркнуто старомоден, как во всех своих романах. Он не принимает XX век. Но кто же из поэтов-писателей за редким исключением (Маяковский) не отвергал времени, в котором живет. Не только у каждого писателя, но и у каждого читателя есть своя страна Зембла, свое пространство — королевский замок, куда посторонним нет входа. Но как ни ограждай замок, рано или поздно туда ворвется толпа разъяренных Градусов, и вы окажетесь в современности, т. е. в изгнании.

Теперь скажу о зле, как
отродясь

Никто не говорил.
Мне ненавистны: джаз,

Фрейд, Маркс, их бред
и мрак,
идейный пень с кастетом,
Убогие умы и дутые поэты.

Бедный, бедный поэт, бедный, бедный Набоков. Как одинок он был среди всех в Германии, в Америке, в Швейцарии, в Зембландии. Как неприступен был его «замок».

«Каждая дверь охранялась. Обеденная зала вместила трех сторожей, еще четверо валандались в библиотеке, в темных альковах, которой, казалось, ютились все тени измены. И какие же запахи козла и кожи стояли в просторных покоях, некогда благоухавших сиренью и гвоздикой!»

Стоит оградиться от мира, и рано или поздно в нашей душе поселится стража с «запахами козла».

У Набокова не было замка. Он преподавал, как Шейд, в американском захолустье, потом поселился в Швейцарии, где и умер недалеко от Лозанны; но я вспоминаю другой, настоящий замок — ныне Музей Сальвадора Дали. Он построил в нем свое царство безумия и шизофрении, пока не погиб в огне Бледного пламени, в пожаре, предсказанном во многих его картинах, где бегают жирафы, охваченные огнем.

«О, я способен на многое, — восклицает автор в финале романа. — С соизволения истории я могу приплыть назад в мое возродившее королевство и могучим рыданием приветствовать серенький берег и мерцание крыш под дождем. Я могу свернуться в клубок и скулить в приюте душевнобольных. Но что бы ни случилось со мной, где бы ни разбегался занавес, кто-то, где-то тихо снарядился в дорогу — и вот он сейчас позвонит у моих дверей, более крупный, представительный и расторопный Градус».

Не так ли в истории России, страны крыш, мерцающих под дождем, стоит нам чуть-чуть вырваться на свободу или затаяться в своих снегах подальше от мировых проблем; неумолимый, как рок, возникает на трибуне роковой Виноградус — Градус и методично готовит нам новую смерть.

Ну а кого огорчает такой финал романа, тому советую обратиться к финалу поэмы.

Я верую разумно:
смерти нам
Бояться нечего, я верю,
где-то там
Она нас ждет, как верую,
что снова
Я встану завтра в шесть
двадцать второго
Июля месяца год...

У Набокова проставлена дата, но я бы предпочел многообразие